

Да хоть бы косточек горсть да лоскут окровавленной рубахи — всё одно надо дитя земле предать, по-человечески похоронить.

Ли Сы совсем обмяк, ноги его не держали. Мужики деревенские тащили его на себе, кто под мышки подпирая, кто на закорках. Страда летняя только-только миновала, народ толком отдохнуть не успел, измотались все вусмерть, а тут ещё эта вылазка в горы — намаялись до кровавых мозолей.

Ли Сы и за стол никого не позвал, сидел на лавке сиднем, уставившись в пустоту остекленевшим взглядом. В голове стучала лишь одна-единственная, иссушающая разум мысль:

"Гоуданька мой... Сыночек... Нет больше сыночка моего, сгинул!"

Жалко его было до слез, да только чем тут поможешь? Выше головы не прыгнешь. Если уж на то пошло, время нынче суровое: в какой избе по осени не оплакивали малых ребят? Бывало, баба семерых, а то и восьмерых на свет произведёт, а до совершеннолетия дай бог одного дотянет. Деревенские к такой беде привыкли — детская смерть никого уже не удивляла. Погорюют, поплачут, а делать нечего, надо дальше лямку тянуть. Жизнь-то не остановишь.

Ли Сы, правда, горевал горше прочих: Гоудань у него был единственным. Да и бабы в доме не водилось, чтобы нового наследника родить. Нищета беспросветная, за душой ни гроша, хозяйство запущенное — какая нормальная девка за такого пойдёт? Так и останется бобылём доживать свой век.

На следующее утро весть о пропаже двоих ребятишек облетела всю округу. Гоуданя в деревне Сикань знали все без исключения — больно приметный был сорванец, вечно у всех на виду. Даже городские представители образованной молодёжи, приехавшие в коммуну на перевоспитание, и те его повадки помнили.

Бабы да мужики собирались кучками на завалинках, судачили наперебой. Кто искренне сокрушался, а кто просто чесал языком от скуки, обсуждая чужую беду как заморскую диковинку. Одно решили твёрдо: надо своих сорванцов на коротком поводке держать, от греха подальше.

— Я же говорила, что у этого Ван Сюаня судьба тяжёлая, проклятая! — завела свою волынку одна из кумушек, опасливо озираясь. — Вы мне верить не хотели, а теперь глядите: в доме Ли Сы несчастье-то и случилось!

— Сплетни точишь, пустомеля! — прикрикнул на неё кто-то из мужиков.

— Нашла время кости перемывать, злыдня!

— И ничего я не выдумываю! — взвилась та в ответ, и в голосе её прорезались визгливые нотки тётки Ван Сюаня, Ван Хэймэй. — Вы думаете, я к племяннику просто так со всей душой не лежала? Да он же вылитая звезда несчастья! Сперва мать свою, Чэнь Сянхуа, в могилу свёл, потом отец его, Ван Юйчэн, куда глаза глядят сбежал!

— Побойся бога, Хэймэй! — возразила пожилая соседка. — Сянхуа сама с собой порешила, ума лишилась, когда её мужик бросил. Ребёнок-то тут при чём?

— Ну да, конечно! — язвительно фыркнула Хэймэй. — А отчего другие-то мужики в деревне живут, семей не бросают, а этот взял да и убёг? То-то и оно!

Кое-кто из баб согласно закивал, признавая её извращённую логику.

— Жаль пострелёнка, — вздохнул кто-то в толпе.

— А вы припомните-ка, — вмешалась ещё одна сплетница, — не он ли едва на свет появился, как бабка его по матери представилась?

— И то верно! Старуха Чэнь сколько лет слепая ходила, хоть бы хны, а стоило этому выродку родиться — и месяца не прошло, как она с кана рухнула да шею себе свернула!

Жена старосты деревни, видя, что бабские бредни переходят все границы, не выдержала и зычно прикрикнула:

— А ну завалите хайло, пустобрёшки! Совесть-то совсем растеряли, на сироту малого ушаты помоев лить! Какая ещё «проклятая судьба»? Если б он беду приносил, разве сам бы в ту же пропасть улетел? Сгинул малец вместе с Гоуданем! И ты, Хэймэй, рот бы свой поганый прикрыла! Нам ли не знать, отчего Сянхуа руки на себя наложила? А бабка его покойная как померла? Хочешь перед небом поклясться, что ни при чём тут? Сама же, змея, за больной свекровью ухаживать поленилась, голодом её морила! Старуха слепая полезла в темноте хоть какую корочку нащупать, оступилась да замертво упала. Из-за твоей же чёрствости человек погиб, а ты на безвинное дитя сваливаешь! Тьфу на вас, бессовестные!

Бабы притихли, пряча глаза. Каждая в душе понимала, что старостиха правду речёт. Смерть слепой повитухи действительно лежала на совести Хэймэй, просто язык без костей мелет что попало. К тому же, пока покойная бабка Чэнь ещё видела свет, она полдеревни приняла — почти вся нынешняя молодёжь в Сикани через её тёплые руки прошла. Поддакивать злой невестке теперь казалось делом постыдным и неблагодарным.

Впрочем, нашлись и те, кто остался при своём мнении: мол, дыма без огня не бывает, у мальчишки всё равно глаз дурной.

Ли Сы сидел на пороге своей развалюхи сам не свой. За одну эту лютую ночь голова его

наполовину покрылась изморозью седины. Долетевшие с улицы бабьи пересуды ранили его прямо в сердце, разжигая угли запоздалого раскаяния. Чужь ли, правда ли, а зерно сомнения уже дало ядовитые всходы: ведь и верно, едва этот Сяо Сюань порог их дома переступил, как Гоуданька сгинул! Да, сынишка рос сорванцом, житья от него не было, даже строгая бабка укоротить его не могла. Но ведь живой был! Как же так вышло-то?..

Оставим пока несчастного отца наедине с его горем. Перенесёмся под землю, в сырую непроглядную темь глубокой пещеры. Мальчишки, сладко спавшие на холодном каменном полу, так и не проснулись, когда угасли последние отсветы заката. Навалившийся на них сон был тяжёл и глубок, больше похож на забытие.

Обоим привиделось в точности одно и то же. Перед ними предстал человек в диковинных одеждах — судя по гулкому, низкому голосу, то был мужчина. Он вещал о каком-то бесценном сокровище, предназначенном им самой судьбой. Старик обещал вручить им этот дар, но взамен потребовал уплатить долг — разрешить древний узел причин и следствий, кармический долг прошлых лет.

Удивительно, но страха малыши не почувствовали. Напротив, от незнакомца веяло родным, почти отеческим теплом, манящим довериться ему без оглядки.

Лишь много лет спустя, повзрослев и насмотревшись исторических телесериалов, они поймут, что странный гость из сновидения был облачён в старинные одежды. Тогда же, в глухой коммуне семидесятых, где все от мала до велика носили безликие серые фуфайки да френчи, его наряд казался верхом нелепости.

Родившись в эпоху сурового атеизма, деревенские мальчишки не то что нарядных господ в шелках — обычных бродячих монахов в глаза не видели. Откуда им было знать про летящие рукава и длиннополые даосские халаты? Вот и внимали они таинственному мужу с разинутыми ртами, силились уловить суть его долгих речей. Каждое слово отпечатывалось в их неокрепшем сознании, хотя смысл ускользал, оставляя лишь смутное, таинственное эхо.

Если бы в ту минуту в подземелье оказался случайный путник или если бы Ван Сюань на мгновение разомкнул веки, их взору предстало бы чудо. Каменное изваяние на валуне, мимо которого мальчик днём пробежал в испуге, медленно развернулось лицом к спящим детям. Величественный лик озарился призрачным, тёплым свечением.

Древний камень будто ожил. Невидимые потоки мягкого золотистого света струились от ладоней изваяния, окутывая фигурки детей тёплым коконом, напитывая их хрупкие тела первозданной силой.

Спустя вечность сияние начало угасать, и под сводами пещеры прошелестел тихий, полный вековой скорби вздох.

Явись сюда кто-нибудь хотя бы на пару десятилетий раньше, старый даос, не колеблясь, пошёл бы на грех — силой захватил бы чужую плоть ради перерождения. Путь самосовершенствования суров, а те, кто идёт по нему, жалости не ведают.

Но ныне искра его души почти угасла. Ослабевшему духу было не под силу повернуть столь сложное колдовство. Оставалось лишь одно: передать свои знания и умения преемникам. Сладят ли эти несмышлёныши с великим даром, принесёт ли он когда-нибудь свои плоды — бог весть. Слишком уж хрупкими были сосуды для столь древней мудрости.

Обида и досада грызли его разум, но иного пути не было. Когда-то он был первым настоятелем этого заброшенного монастыря. Людская молва твердила, будто мастер обрёл бессмертие и вознёсся на небеса, но на деле он давно обратился в прах, оставив в подлунном мире лишь угасающий слепок своего сознания. Теперь перед ним стоял простой выбор: раствориться в небытии без следа или попытаться продлить жизнь своего учения. Он выбрал борьбу.

Надежда грела слабо. Даос понимал: сама ткань этого мира изменилась, истончилась духовная сила земли, сделав её бесплодной для великого делания. Да и преемники — малые дети, ничего не смыслящие в законах бытия. Сколько из его векового опыта приживётся в их головах — одному небу известно.

Ночь уступила место рассвету. Тонкие лучи утреннего солнца, пробившись сквозь расщелины, коснулись древней системы зеркал-отражателей. Тёплые золотистые блики заплясали по стенам, разгоняя сырую ночную мглу и наполняя пещеру мягким светом.

Гоудань завозился, сонно протирая глаза. Спросонья ему приспичило по малой нужде; он резко повернулся, забыв, где находится, и с размаху приложился лбом о торчащий валун. Свод пещеры тут же огласился отчаянным воплем — парень перепугался до смерти и взвыл от дикой боли.

Ван Сюань подскочил как ошпаренный. Со страху он едва сам не расшиб голову о каменную стену.

— Гоудань-гэ! Гоудань-гэ, ты чего? — испуганно залепетал Ван Сюань, подползая ближе.

— Больно-то как... — простонал тот, зажимая ушибленное место ладонью.

— Ой, у тебя там... шишка огромная растёт!

— Ай! — Гоудань шикнул сквозь зубы и зажмурился. — Не трогай, не трогай! И без тебя тошно!

От такой встряски вся охота облегчиться мигом пропала. Мальчишки огляделись по сторонам, и вчерашние воспоминания нахлынули с новой силой. Настроение тут же упало. Животы у обоих сводило от голода — они не ели со вчерашнего полудня. Хоть бы кто-нибудь пришёл за

ними, хоть бы отыскиали поскорее!

Гоудань поднял голову, всматриваясь в полумрак пещеры, и вдруг испуганно отшатнулся, перебирая ногами по земле, пока не шлёпнулся задом в сухую пыль.

Ван Сюань бросился к нему, собираясь помочь подняться, но застыл на полуслове. Он тоже увидел это. Мальчики, вытянув шеи, во все глаза уставились на изваяние.

— Глазам не верю... Это же тот давешний странный дядька! — прошептал Ван Сюань. — Но как он перед нами-то оказался?

Ван Сюань отчётливо помнил, что вчера фигура высилась за валуном, повёрнутая к ним спиной.

"Неужто мы ночью сами к его ногам приползли, пока спали?"

— Так это его ты вчера испугался? — спросил Гоудань. Поняв, что фигура не шевелится и вреда им не причиняет, он понемногу осмелел.

— Да, точно он! И... он ночью со мной разговаривал, — наморщил лоб Ван Сюань, силясь вспомнить детали. — Точно! Он ко мне во сне приходил!

— Во сне? — вытаращил глаза Гоудань.

Тут Гоудань осёкся. Ему ведь тоже снилось нечто подобное! Обычно он забывал свои сны, едва размыкал веки, но сейчас, стоило приятелю заговорить, как в памяти всплыли туманные образы.

Мальчишки сдвинули головы макушка к макушке и принялись торопливо шептаться. Слово за словом, деталь за деталью — и оказалось, что им обоим привиделся один и тот же старик в старинном одеянии.

— Эй! Эй, товарищ! Ты кто такой будете? — крикнул Гоудань в пустоту пещеры.

Ответом ему был лишь шорох осыпающегося песка.

Ван Сюань, приободрённый смелостью друга, тоже подал голос:

— Дяденька, а вы знаете, как нас зовут?

Тишина.

Переглянувшись, Гоудань нащупал на полу круглый голыш, размахнулся и запустил им прямо в фигуру. Камушек со звонким стуком отскочил от плеча незнакомца и покатился по полу.

— Ой! Да он же ненастоящий! Не живой!

Страх отступил, уступив место детскому любопытству. Осмелев, мальчишки подползли ближе. Ван Сюань несмело протянул ладошку и потрогал край его широкого каменного рукава. Пальцы ощутили лишь холодный, шершавый гранит.

— Из камня высечен! Гоудань-гэ, гляди, это просто статуя!

— Каменный человек, выходит?

Ван Сюань согласно закивал:

— Ну да! Сами себя перепугали.

— Хм... — Гоудань озадаченно почесал в затылке. — А на кой-ладан он тут стоит тогда? И чего ради ночью на нас пялился, пока мы спали?

От этой мысли по спине у Гоуданя снова побежали мурашки.

Будь на его месте взрослый человек из будущего, у него бы поджилки затряслись от ужаса. Шутка ли — оживающая по ночам каменная глыба, караулящая детский сон! От такого и рассудком повредиться недолго. Но перед ними были обычные деревенские сорванцы, чья вселенная ограничивалась околицей родной Сикани. О древних воителях, бессмертных мастерах и тайных практиках они не имели ни малейшего представления. Для них всё было просто: раз каменный дядька умеет приходить во сны, значит, он волшебный. А волшебство — это же так здорово! Воистину, блаженны несведущие.

— Погоди-ка, — припомнил вдруг Гоудань, — он ведь во сне обещал нам гостинец дать?

— Давай поищем!

И они принялись беззастенчиво карабкаться по древней реликвии, шаря ладошками по каменным складкам одеяния. Живи в этой статуе хотя бы капля духа старого даоса, его бы кондрашка хватила от подобного святотатства. Но дух безвозвратно угас, и жаловаться было некому.

— Ой, гляди, чего я нашёл! — Ван Сюань вытянул руку, на ладони его лежал крохотный сосуд из тёмно-зелёного нефрита, похожий на пиалу. Безделица была удивительно тёплой на ощупь, а её донышко терялось в какой-то туманной, бездонной глубине. — Это что, чашечка такая?

Только малюсенькая совсем. Из неё хоть глоток сделать можно?

Мальчик вертел находку и так и эдак, после чего протянул её другу.

— Да ну, — хмыкнул Гоудань, примерив вещицу к своему пальцу. — Как из неё пить-то? Она же с напёрсток величиной, не больше большого пальца взрослого мужика.

Зато у самого Гоуданя в кулаке обнаружилось круглое кольцо из тусклого камня размером с голубиное яйцо. Он с сомнением разглядывал вещицу:

— А у меня вот что. Серьга, что ли? Для браслета мала — рука не пролезает.

Ему доводилось видеть деревенских старух с тяжёлыми железными кольцами в мочках ушей, но эта штука выглядела совсем иначе — толстая, гладкая. Мальчики и не подозревали, что держат в руках легендарное нефритовое кольцо лучника — Юйбаньчжи.

— Эх, и на фига нам эти побрякушки? — разочарованно протянул Гоудань. — Тоже мне, волшебник! Лучше бы сала шмат дал или тушёнки банку, а это ведь даже не погрызёшь. Жадюга каменный!

— Не ворчи, — заступился за даоса Ван Сюань. — Вещь-то от самого заступника небесного. Раз во сны приходить умеет, значит, точно святой угодник!

— И вообще, мне помнится, он сказывал, будто в этих штуковинах скрыто великое богатство. Сказал ещё, мол, «постигайте разумением», и что там всё его... как это... «нажитое добро» лежит.

— Да ну? — Гоудань недоверчиво сощурился. — А я и забыл совсем. Больно уж дед этот речистый, бубнил-бубнил без умолку, разве ж всё упомнишь? Коли хотел одарить, так и отдал бы по-людски, без загадок своих заумных. Слишком уж мудрёно всё. А ты-то, А-Сюань, хоть что-то разобрал из его дедовского бормотания?

Ван Сюань на мгновение задумался, прижимая к груди нефритовое кольцо и пиалу, и тихо вымолвил:

— Совсем капельку...